УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/34/36

В.А. Суровцев

«ВАЖНАЯ БЕССМЫСЛИЦА»: Ф.П. РАМСЕЙ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА[1]

Рассматривается проблема взаимного влияния философских построений Л. Витгенштейна и Ф.П. Рамсея в области практической философии. Показано, что практическая философия раннего Витгенштейна в «Трактате» оказала на Рамсея мало влияния. В свою очередь, развиваемое Рамсеем в работах 1927–1929 гг. представление о философии как логической системе определений, оказывающей динамическое влияние на структуру языкового значения, имело важное влияние на изменение взглядов Витгенштейна и, в частности, на его концепцию значения как употребления.
Ключевые слова: *Л. Витгенштейн, Ф.П. Рамсей, практическая философия, логическая система определений, значение как употребление.*

Радикальное изменение взглядов Витгенштейна основано на том, что логический анализ языка как такового, представленный в «Логико-философском трактате» [1], сменяется анализом практик употребления реального языка в «Философских исследованиях» [2]. Мотив такого изменения, означавшего поворот от логического анализа языка к философии лингвистического анализа, лучше всего описывает сам Витгенштейн: «Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием. (Ведь кристальная чистота логики оказывается для нас *недостижимой*, она остаётся всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требование чистоты грозит превращением в нечто пустое. – Оно заводит нас на гладкий лёд, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно *трение*. Назад, на грубую почву!» [2. С. 126]. В этом тезисе выражены основные элементы изменения ракурса философского рассмотрения. Логическое теоретизирование заменяется практикой исследования обыденного словоупотребления. На смену чистоте теории приходит философия в её практическом применении.

Подобного рода изменение, где абстрактное философское теоретизирование, ориентированное на достижения формальной логики, сменяется исследованием практик употребления реального языка, ставит вполне резонный вопрос: Что послужило источником такого изменения? Почему предмет философии и сама философия стала пониматься не так, как она есть, казалось бы в абсолютно завершённой системе «Трактата», где все основные философские проблемы, как считал Витгенштейн, «по существу решены окончательно» [1. С. 34]? Основной вопрос об эволюции философских взглядов Л. Витгенштейна как раз и заключается в коллизии между тем, что теоретически («Логико-философский трактат») решены все проблемы, и тем, что ни

[1] Работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

одна проблема практически («Философские исследования») не решена. Решение проблем теоретически само по себе очень важно, поскольку приводит к общему видению, но без практического применения оно не имеет значения. Прояснению этой коллизии должно способствовать исследование тех взглядов, которые оказали взаимное влияние. Это влияние должно учитывать сдвиг философии Витгенштейна с решения вопросов теоретической философии, где под теоретической философией понимается доктрина правильного знания, на практическую философию, где под практической философией понимается доктрина правильного действия.

Нужно сказать, что изменение взглядов Витгенштейна на роль философии с её чисто теоретической функции, где сама философия являлась лишь способом ограничения способов выразить мысль, на приписывание философии сугубо практической функции прояснения способов действия в рамках определённых социальных практик требует пояснения вопроса о том, что такое сама философия. Вопрос о соотношении теоретической и практической философии является, таким образом, очень важным. Каким образом теоретическая философия «Трактата» становится практической философией «Философских исследований», конечно, требует прояснения. Сам Витгенштейн указывает на мотив подобного рода изменений в предисловии к «Философским исследованиям», отмечая роль оказавших на него влияние коллег. Особая фигура среди повлиявших – это, конечно, Ф.П. Рамсей. Сам Витгенштейн дает повод для того, чтобы считать это влияние достаточно важным. В предисловии к «Философским исследованиям» он указывал, что изменение его ранней точки зрения, выраженной в «Трактате», в значительной степени связано именно с ним: «Вновь занявшись философией шестнадцать лет назад, я был вынужден признать, что моя первая книга содержит серьёзные ошибки. Понять эти ошибки – в той мере, в какой я сам едва ли смог бы это сделать, – мне помогла критика моих идей Фрэнком Рамсеем, в бесчисленных беседах с которым я обсуждал их множество раз в течение двух последних лет его жизни» [2. С. 78]. В текстах Витгенштейна не найти отчётливой формулировки, в чём именно заключалось это влияние. В редких исследованиях, посвященных этому вопросу, влияние Рамсея касается изменения взглядов на проблемы, касающиеся теоретической философии [3]. Однако каким образом критика Рамсея привела Витгенштейна к пониманию философии как к практической деятельности по анализу языковых практик – это вопрос в значительной степени всё ещё открытый. В этом ракурсе интересно рассмотреть, в каком именно смысле Ф.П. Рамсей оказал влияние на изменение понимания у позднего Витгенштейна методологического значения философии.

Философию раннего Витгенштейна вряд ли понимал кто-нибудь лучше, чем Рамсей. Об этом свидетельствует ряд моментов. В 1922 году была опубликована двуязычная (немецкий оригинал с английским переводом) версия «Трактата» Л. Витгенштейна, где одну из основных ролей сыграл Ф.П. Рамсей. Первоначально за перевод взялся К.С. Огден, у которого не вполне получалось передать на английском языке филигранно отточенный афористичный текст. Тогда он предложил поучаствовать в этом предприятии Рамсею, и работа пошла [4. С. 340]. В окончательный вариант перевода помимо Огде-

на некоторые правки вносил и Б. Рассел, но Рамсей, несомненно, проделал основную работу, подготовив первый вариант [5. С. 273].

В октябре 1923 г. в журнале «Mind» вышла рецензия Рамсея на «Трактат», которую многие исследователи до сих пор считают одной из самых авторитетных и проницательных интерпретаций некоторых идей «Трактата». В частности, в ней впервые указано, что у Витгенштейна речь идёт о любом языке [6. С. 312], а не только об идеальном, как считал Б. Рассел [7. С. 11].

Летом 1923 г. Рамсей встречался с Витгенштейном в местечке Пухберг, недалеко от Вены, где в этот момент Витгенштейн работал учителем в деревенской школе. На протяжении двух недель последний разъяснял первому, те места своей работы, которые остались для Рамсея не вполне понятными. Отметим, что эти беседы не нашли отражения в рецензии, поскольку она была подготовлена раньше. О характере этих бесед Рамсей так сообщает в письме домой: «Он готов проводить четыре или пять часов в день, объясняя свою книгу. За два дня я проработал семь из восьмидесяти страниц. Он уже дал ответ на мои главные затруднения, которые озадачивали меня в течение года и которые приводили меня в отчаяние» [4. С. 341]. Эффект от этих бесед выразился в том, что Витгенштейн учёл некоторые сомнения и замечания Рамсея и внес отдельные правки во второе издание «Трактата» [8].

Взгляды, выраженные Витгенштейном в «Трактате», оказали сильное влияние на ряд работ Ф.П. Рамсея. Особенно это касается статей 1925–1926 гг., посвящённых основаниям математики [9] и математической логике [10], где он, используя положения теоретической философии «Трактата», пытается улучшить и развить программу логицизма в основаниях математики. На основании разработанной Витгенштейном теории логических предложений, которые ничего не говорят о мире, но являются частью символизма, Рамсей стремится реформировать ряд положений, предложенных Уайтхедом и Расселом в *Principia Mathematica* [11], которые вызывают сомнения в своём логическом характере. Прежде всего, это касается аксиом сводимости, бесконечности и мультипликативности. Используя витгенштейновское понятие тавтологии, Рамсей модифицирует то, что считать предложениями математики и дополняет критерий общности, предложенный Расселом, критерием тавтологичности, разрабатывая, таким образом, понятие математической тавтологии. Это понятие позволяет Рамсею улучшить программу логицизма в существенных чертах, который часто вызывали её неприятие [12. С. 15–16].

Разрабатывает Ф.П. Рамсей и другие идеи «Трактата». Например, ориентируясь на понимание факта как констелляции объектов, он переформулирует проблему соотношения универсалий и партикулярий, указывая на возможность амбивалентной трактовки этих понятий, поскольку их статус зависит от того, каким образом истолковать логическую форму выражающего факт предложения. В этом случае все будет зависеть от того, что мы трактуем как функцию, а что как аргумент [13]. Кроме того, предложенная Рамсеем так называемая дефляционная трактовка истины (т.е. трактовка, настаивающая на принципиальной устранимости понятия истины из любых контекстов), очевидно, связана с концепцией различия сказанного и показанного, которая является центральной логико-семантической концепцией «Трактата», что

имеет следствием невозможность метаязыка, а семантическое понятие истины относится именно к метаязыковому уровню [14].

Сложнее обстоит вопрос об отношении Рамсея к тому, что можно считать практической философией Витгенштейна времён «Трактата», а она там, безусловно, есть. И даже составляет её значительную, если не самую важную, часть, как считал Витгенштейн. Об этой части своей философии он, к примеру, следующим образом сообщает в письме к Л. Фиккеру, характеризуя общую цель «Трактата»: «Смысл книги – этический… Моя работа состоит из двух частей: из той, что имеется здесь в наличии, и из той, что я *не* написал. И как раз эта вторая часть более важна. А именно, посредством моей книги этическое ограничивается как бы изнутри; и я убеждён, что *оно* строго ограничивается ТОЛЬКО так. Короче, я думаю: Всё то, о чём многие сегодня *болтают*, я устанавливаю в своей книге тем, что я об этом молчу» [15. С. 318]. В «Трактате» Витгенштейн отдаёт предпочтение исследованию логики языка, которая показана всеобщей и необходимой природой знаков. Этику в этом смысле выразить невозможно. Своеобразие этического указывается только косвенно, когда в знаковой системе устанавливается граница, которая непреодолима в силу того, что ценности не могут быть выражены в языке. Ценности могут только переживаться при восприятии мира как органического целого. В этом отношении этические аспекты философии «Трактата» сильно отличаются от того, что со времён И. Канта было принято понимать как практическую философию, а именно, как исследование принципов разумного основания социального взаимодействия. Но в этом и заключается своеобразие практической философии Витгенштейна, которая принципиально выводится за пределы рассудочного обоснования в сферу мистического переживания, в сферу того, о чём говорить невозможно в силу ограниченности ресурсов языка [16. С. 288].

Несмотря на то, что Рамсей в своих статьях 1925–1926 гг. касается многих теоретических аспектов философии «Трактата», которые относятся к логике языка и мира, вопросы практической философии Витгенштейна здесь совершенно не затрагиваются. Рамсей развивает целый ряд отдельных положений, касающихся проблем логики, оснований математики, а также онтологии, но в этих работах не найти проблем этики и практического действия. Это относится и к его рецензии на «Трактат», где в основном рассматриваются вопросы, относящиеся к теоретической философии, т.е. тех разделов, которые относятся к логике и производной от неё онтологии. Даже в вопросе о мистическом, который при рассмотрении философии Витгенштейна невозможно обойти, Рамсей ограничивается в основном рассмотрением тех аспектов, которые связывают форму факта и форму предложения, т.е. в основном уделяет внимание мистическому как характеристике формы отображения, а не как тому, что придаёт миру смысл. В этом отношении Рассел, например, в своём введении к «Трактату» гораздо больше уделяет места вопросам практической философии вообще и этике в частности, когда говорит, что «весь предмет этики м-р Витгенштейн помещает в область мистического, невыразимого. Тем не менее он способен выражать свои этические взгляды. Он возразил бы, что то, что он называет мистическим, может быть показано, хотя

и не может быть сказано» [7. С. 29]. Нельзя, однако, утверждать, что Рамсей прошёл совершенно мимо этой проблемы.

В рецензии на «Трактат» у него есть совершенно замечательная фраза, которая демонстрирует, что он не только более адекватно понял общую задачу Витгенштейна, нежели Рассел, поскольку, в отличие от последнего, связывал её не с идеальным языком, а с языковой практикой вообще. В целом он и мистическое трактовал в гораздо большем соответствии с духом Витгенштейна. В отличие от Рассела, который считал, что концепция мистического в «Трактате» вытекает из того, что «мир есть совокупность фактов, а не предметов» [1. С. 36], Рамсей однозначно связывает мистическое с переживанием, а не с рациональным объяснением, когда говорит: «Мистическое чувство есть чувство, что мир – это не всё, что существует нечто вне его, его ‘смысл’ или ‘значение’» [6. С. 336].

Подобное понимание, вероятно, было основным для Рамсея при интерпретации практической философии «Трактата». И если он к нему не обращается в статьях 1925–1926 гг., то это, видимо, связано только со спецификой интересовавших его в это время теоретических тем. Действительно, опубликованные работы Рамсея этого периода далеко отстоят от проблем этики и практического действия. Однако это не означает, что он не придерживался или даже не вполне уяснил этическую концепцию Витгенштейна. Есть ряд текстов Рамсея, которые не были опубликованы при его жизни, но они вполне дают представление о его понимании практического. К этой теме он обращается, например, в докладе 1925 г., сделанном для общества «Апостолы», весьма популярного в Кембридже содружества ведущих учёных, где высказывает идеи, вполне родственные аналогичным идеям «Трактата» и с прямой отсылкой к «витгенштейновскому взгляду на философию, что философия не даёт нам убеждений, но просто облегчает чувство интеллектуального дискомфорта» [17. С. 308].

В этом тексте рассуждения Ф.П. Рамсея совершенно созвучны мыслям раннего Витгенштейна о переживании мира как органического целого. Именно такое переживание сообщает миру ценность и отличает мир счастливого человека от мира несчастного. Найти ценность в рамках самого мира, обосновывая поиски рациональными аргументами – это пустая затея. Ценности не выражаются в отдельных положениях, касающихся убеждений о содержании мира. Всё это касается рационального знания и не может влиять на смысл человеческого существования. Сами по себе факты не обладают ценностью, а научные теории, какими бы они интересными ни были, не сообщают дополнительного измерения ценности человеческой жизни. Рациональное выражение жизненной установки не воздействует на качество самой жизни. Окружающие человека факты действительности, являющиеся предметом рационального описания, не оказывают влияние на содержание его переживаний. Как говорит Рамсей: «Я отличаюсь от некоторых своих друзей в том, что придаю малое значение физической стороне. Я не чувствую ущербность перед величием небес. Звёзды могут быть большими, но они не способны мыслить или любить; и эти качества впечатляют меня гораздо больше, чем размер. Меня не убеждает вес в сто килограммов» [17. С. 308].

Его не восхищают факты, сами по себе они не имеют ценности. Сам по себе вес в 100 кг ни хорош, ни плох. Ценность возникает только в переживании факта, которое придаёт ему смысл. А это не выразимо в описании самого этого факта. Переживание мира как органического целого свойственно человеку, но ценность этого переживания не включена в объективный факт. Переживание – самоценно для того, чьим переживанием оно является: «На самом деле никто не может спорить с переживаниями человека, можно только иметь иные переживания и, вероятно, рассматривать свои собственные переживания как более привлекательные или как более способствующие счастливой жизни. С этой точки зрения, о том, что является предметом не фактов, но переживаний, я буду заключать по некоторым знамениям, касающимся вещей вообще или, как я скорее сказал бы, не вещей, а жизни в целом» [17. С. 308].

Точно так же, как Витгенштейна, который связывает ценности с переживанием мира как органического целого, Рамсея «привлекает мир в перспективе, а не как модель в масштабе. На переднем плане находятся человеческие существа, а звёзды столь же малы, как трёхпенсовые монеты. В действительности, я не верю в астрономию, кроме как в усложнённое описание отдельных моментов того, как протекают ощущения человека и, возможно, животных. Эту свою перспективу я применяю не только к пространству, но также и ко времени. Мир безразличен ко времени, всё умрёт, но до этого ещё далеко, а с точки зрения нынешней ценности мира это не значит практически ничего» [17. С. 308].

Отношение к этике в частности и к практической философии вообще, сходное с позицией Витгенштейна времён «Трактата», видимо, сказывается на том, что Рамсей так мало обращается к подобным вопросам в работах 1925–1926 гг. Действительно, значение имеет только теоретическая философия в том смысле, что она позволяет решить некоторые вопросы описания фактов, выступая лишь методом прояснения логической структуры языка. Что касается практической философии, то она относится к тому, что связано с иррациональными переживаниями, и, тем самым, рационально выражена быть не может, если только служит в качестве косвенного указания на отличие мира счастливого от мира несчастного. В этом смысле философия вряд ли может служить основанием практического действия, поскольку «о чём нельзя говорить, о том следует молчать» [1. С. 218]. В этом отношении философия как основание рационального действия бессмысленна, поскольку её цель заключается только в том, чтобы как раз и вывести это действие за пределы разумного объяснения. Как говорит Витгенштейн, «правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано… и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях» [1. С. 218].

Сходный метод, казалось бы, исповедует и Ф.П. Рамсей, обращаясь исключительно к вопросам теории употребления языка в рамках философии математики и логики. Исследовать проблемы теории – не значит определять, что представляет собой философия для жизни. Практики употребления языка касаются исключительно теоретических проблем и не рассматриваются с точки зрения влияния философии на умонастроение учёного. Задача теорети-

ка заключается в том, чтобы философские построения ограничить тем, что выходит за рамки рационального исследования. Или, вернее, задача философии сводится к тому, чтобы посредством исследования возможности рациональных средств выражения мысли оставить философии то, что такому выражению не подлежит. А тем самым и саму философию представить достаточно бесполезным мероприятием, поскольку она никаким образом не содействует тому, что может быть сделано на практике. Понимание практической цели философии в данном случае оказывается чисто негативным в том смысле, что утрачивается её полезность для осмысления рациональных целей познания. Скорее её цель становится иррациональной. А именно, вывести за пределы рационального действия всё то, что касается смысла и ценности такого действия. Очевидно, что следствие такого подхода, который сказывается на ценности самого философского исследования, приводит к тому, что практика философского рассуждения перестаёт иметь какое-то значение. Всё, что подлежит рациональному исследованию, должны быть выведено за рамки философии, и в этом смысле она утрачивает своё значение, будучи просто практикой делигитимации того, что, в общем-то, и представляет интерес, затрагивая индивидуальные переживания. Всё это можно найти в тексте Ф.П. Рамсея [17].

Тем не менее отношение Ф.П. Рамсея к практической стороне философии Витгенштейна нельзя охарактеризовать однозначно. Во всяком случае, здесь речь не идёт о пиетете ученика перед учителем. Философия, видимо, должна иметь практическое значение в том смысле, что она даёт некоторое руководство к теоретическому исследованию. Здесь интересно уже замечание Рамсея о Витгенштейне, относящееся к 1924 г., на которое ссылается Н.-Э. Салин: «Он не слишком хорош для моей работы» [3. С. 64]. Учитывая то, что в это время Рамсей работал над проблемами теоретической философии, это, видимо, следует понимать в том смысле, что исследования, проходящие по разряду философских, должны иметь какое-то значение и каким-то образом должны учитываться в качестве ценных в рациональном исследовании практических действий. А отсюда должна правильное значение получить и практическая философия. Стремление к осмыслению практической стороны философии, а тем самым к критической установке в отношении к философии «Трактата» в определённом смысле определило исследования Ф.П. Рамсея, относящиеся к последним годам его жизни, о которых в предисловии к «Философским исследованиям» говорит Витгенштейн.

Широко известно высказывание Рамсея, относящееся к 1929 году, которое часто употребляется при его оценке мистической стороны «Трактата»: «Но то, что мы не можем сказать, мы не можем сказать и также не можем просвистеть» [18. С. 266]. Хотя это высказывание должно пониматься в более широком контексте теоретических проблем, разрабатываемых Рамсеем в этот период [19], оно, несомненно, прямо связано с концепцией невыразимого Витгенштейна.

В 1927–1929 годах взгляды Рамсея существенно меняются. Эти изменения связаны с его переходом на общефилософскую точку зрения прагматизма, что было обусловлено влиянием работ Ч.С. Пирса [20. С. 150] и сближением с позицией умеренного интуиционизма Г. Вейля в основаниях

математики [12. С. 233–252]. Эти изменения существенно сказываются на понимании того, что представляет собой философия вообще и практическая философия в частности.

По мнению, например, Н.-Э. Салин, в это время Рамсей в общем осознал бесперспективность подхода Витгенштейна к философским проблемам и считал, что для его исследований Витгенштейн совершенно не подходит, судя по характеру проблем, которыми Рамсей в это время занимался [3. С. 69–73]. Именно к этому времени относится разрабатываемая им концепция субъективной интерпретации вероятности, в основании которой лежат представления о действиях, к которым ведут наши убеждения. В этом отношении измерение степени убеждённости может рассматриваться с точки зрения готовности заключить пари, а в основании подобного рода вычислений лежит теория вероятности. Последняя в данном случае рассматривается как совокупность правил, определяющих наше будущее поведение. С этих позиций в текстах 1927–1929 гг. рассматривается и закон причинности, поскольку общность, присутствующая в его формулировке, должна рассматриваться не как обобщение единичных суждений, а как правило для будущего поведения. При таком изменении трактовки общих суждений Рамсей отходит к тому же от классической логики, на который основывается «Трактат», и переходит на позиции финитизма и интуиционистской логики. В значительной степени на интуиционистской точке зрения основывается и трактовка Ф.П. Рамсеем структуры научной теории, где теоретические термины перестают рассматриваться как отражение некоторой реальности, но трактуются с точки зрения их квантификации в логике второго порядка, которые могут иметь различную интерпретацию, зависящую от того, каких целей мы хотим достичь [21].

Все эти изменения во взглядах Ф.П. Рамсея, несомненно, оказали влияние на Л. Витгенштейна, который в январе 1929 г. вернулся в Кэмбридж и вплоть до безвременной кончины Рамсей в январе 1930 г. имел с ним продолжительные беседы. Именно на эти беседы Витгенштейн ссылается в предисловии к «Философским исследованиям». Практическая направленность теорий, развиваемых Рамсеем, несомненно, оказала влияние, но в какой степени? Оценка здесь может быть достаточно различна, вплоть до того, что именно эти идеи лежали в основании концепции следования правилу, являющейся одной из центральных в «Философских исследованиях» [3. С. 69]. Вряд ли, однако, влияние было столь глобальным. При всей значимости для Рамсея прагматистской установки он не заходил настолько далеко, что рассматривал правило как то, что создаётся фактом его применения, как это было у Витгенштейна. Всё-таки для Рамсея правила представляют собой устойчивую теоретическую систему, которая реализуется в практическом действии, но не создаётся им. Это касается и трактовки вероятности, и понятия причинности. Если в данном случае и можно говорить о влиянии, то оно имеет скорее косвенный характер. Идеи Рамсея выступали в некоторой степени демонстрацией важности практического действия, побуждая к пересмотру роли философии как чисто негативного предприятия в отношении осмысления годности языка для выражения структуры социального взаимодействия.

Не умаляя возможности и важности такого влияния, представляется, что особое значение для Витгенштейна имели всё-таки не отдельные идеи в рам-

ках исследования вероятности, причинности или теорий, а особое понимание практической роли философии как таковой, которое Рамсей развивает в это время. Особое значение здесь имеет лекция «Философия», прочитанная им в 1929 г. и сохранившаяся в архивных материалах. Неизвестно, был ли Витгенштейн знаком с этой лекцией, но очевидно, что её содержание могло в более значительной степени оказать влияние на изменение отношения к философии, как она понималась в «Трактате». Рамсей общую установку аналитической философии на исследование языка дополняет представлением о динамической природе такого исследования, которое значительно изменяет понимание практической ценности самой философии.

Рассмотрим важный пассаж из этой лекции. Рамсей утверждает: «Философия должна иметь какое-то применение, и мы обязаны принимать её всерьёз; она должна прояснять наши мысли и поэтому наши действия. Или ещё, она есть предрасположенность к проверке и к исследованию того, что нечто должно обстоять так; т.е. главное положение философии состоит в том, что философия как таковая бессмысленна. И снова, мы должны принять всерьёз, что она бессмысленна, а не претендовать, как Витгенштейн, что это важная бессмыслица!» [22. С. 295]. Почему этот пассаж так важен? Здесь хотелось бы акцентировать внимание не столько на концепции мистического и невыразимого в «Трактате» Витгенштена, где философия понимается лишь как «лестница, которую следует отбросить» [1. С. 218]. Бессмысленность философии действительно «нужно принимать всерьёз». И это вытекает из того, какую роль Рамсей отводит бессмысленности. Эта бессмысленность совсем иного рода, нежели у Витгенштейна.

Бессмысленность философии в своём понимании и важность этой бессмысленности Витгенштейн видит в том, что философию «Трактата» можно рассматривать как рецепт выхода за рамки языка. Это важный рецепт, но сам по себе он не имеет значения. Лекарство принято, терапия осуществлена, рецепт выброшен. Рецепт ничего не добавляет к рациональному знанию и практическому действию, хотя и сыграл важную роль. По поводу важности этой бессмысленности Витгенштейн говорит в своей «Лекции по этике» (1929–1930 гг.). В нашем контексте содержание этой лекции важно уже потому, что она была прочитана практически одновременно, а то и позже, с беседами с Рамсеем и его лекцией «Философия». Это свидетельствует о том, что Витгенштейн в данный период ещё не изменил свой взгляд на практическую роль философского исследования, и влияние Рамсея следует относить к более позднему периоду.

Непригодностью языка для выражения смысла жизни Витгеншейн заканчивает свою лекцию: «Я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного [лингвистического] выражения, а потому, что бессмысленность была самой их сущностью, и всё, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т.е. *за пределы* обладающего значением языка. Моё основное стремление, да и стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике или религии, – вырваться за пределы языка. Этот прорыв сквозь решётку нашей клетки абсолютно безнадёжен. Этика, поскольку она проистекает из стремления сказать нечто об изначальном смысле жизни, об

абсолютно добром и абсолютно ценном, не может быть наукой. То, что она говорит, ни в коем случае ничего не добавляет к нашему знанию. Но она всё же является свидетельством определённого стремления человеческого сознания, которое я лично не могу перестать глубоко уважать и которое никогда в жизни не стану осмеивать» [23. С. 341–342]. Здесь роль философии ограничивается установлением тех границ, за рамки которых вырваться невозможно. Она отмечает границы присущих практическому разуму усилий. Философия отмечает притязания достоинства человека вырваться за рамки языка. Но и в этом всё. Важность философии, как это ни парадоксально, заключается в том, что ничего важного сказать ведь и нельзя. Роль философии в этом смысле у Витгенштейна сугубо отрицательна.

Совсем не то мы находим у Рамсея. Философия – не важная бессмыслица. Её бессмысленность нужно принимать всерьёз. Только следует правильно понимать значение этой бессмысленности. Чем в таком случае является философия для Рамсея? Наиболее ясно об этом говорит следующий пассаж: «Логика обеспечивает тавтологиями, математика – тождествами, философия – определениями; при всей тривиальности они являются частью жизненно важной работы по прояснению и организации нашей мысли» [22. С. 296]. Этот пассаж перекликается с «Трактатом» Витгенштейна относительно природы логики и математики, но совершенно отличается в понимании философии. В «Трактате» логические тавтологии и математические тождества бессмысленны в силу того, что они ничего не говорят о мире, но только показывают его структуру. Демонстрация структуры мира через выяснение структуры языка – это уже немало, если не самое основное, поскольку за рамки, установленные логикой языка, выйти невозможно. Тем самым демонстрируются граница языка и граница выраженного в нем мира. Философия же бессмысленна потому, что она пытается говорить о том, что или показано всеобщей и необходимой природой знаков, или превосходит выразительные возможности языка. И в том, и в другом случае она в буквальном смысле бессмысленна, хотя и претендует на важность своей бессмысленности.

Для Рамсея философия также бессмысленна, поскольку она ничего не говорит о содержании мира, но эта бессмысленность скорее сродни бессмысленности логических тавтологий и математических тождеств. В философии мы не просто пытаемся вырваться за структуру языка, она имеет теоретическое и практическое значение. Её теоретическое значение заключается в том, что в «философии мы берём пропозиции, полученные в науке и повседневной жизни, и пытаемся представить их как логическую систему с исходными терминами, определениями и т.д. По существу философия есть система определений» [22. С. 295]. Как таковая философия проясняет структуру языка и тем самым мира. В этом отношении её функция не менее значима, чем функция логики или математики. Создать когерентную систему определений – это цель, вполне оправдывающая философское предприятия, поскольку, хотя логика и математика показывают структуру языка, они тем не менее не дают картины того, что может эту структуру содержательно наполнить. Они не показывают, каким образом задаются термины языка и каким образом возникает их согласованная система. Здесь, правда, нужно правильно понимать характер этой системы.

Ф.П. Рамсей отнюдь не претендует, что эта система определений должна быть содержательной. Логика и математика – формальны, т.е. они характеризуют только структуру языка. Но точно такую же формальную систему определений должна предоставлять и философия. Речь не идёт об определениях в какой-то осмысленной части языка, посредством которой можно выразить определённое содержание мира. Как говорит Рамсей, «философия связана не со специальными проблемами определения, но только с общими. Она предполагает определить не отдельные термины искусства или науки, но установить, например, проблемы, которые возникают при определении любого такого термина или при отношении любого термина физического мира к терминам опыта» [22. С. 297]. В этом отношении философия не создаёт систему определений какой-то области знания. Её цель – формулировка правил задания определений. И эта цель столь же формальна в прояснении структуры языка, как цели логики и математики. Но сама по себе формулировка цели как формальной не отменяет её практической значимости. Интересно то, что Рамсей трактует подобную систему как практическое руководство, как «систему описаний того, как можно дать определения» [22. С. 295]. Почему так происходит?

Это связано с динамикой самого процесса определения терминов, что как раз и определяет ценность философии. Философия не заканчивается с окончательным прояснением структуры языка. В этом отношении логика и математика в том смысле, в котором они рассматриваются в «Трактате», недостаточны. Логика и математика определяют всеобщую и необходимую природу знака в структуре языка, но они не могут прояснить его возможное значение. Таким образом, философия необходима, когда, помимо логической структуры языка, мы задаёмся вопросом о её возможном наполнении. Как утверждает Рамсей, «мы приходим к философствованию, поскольку не знаем ясно, что же мы имеем в виду; вопрос всегда в следующем: ‘Что я подразумеваю под *x*?’ И только совершенно случайно мы можем установить это, не размышляя над значением» [22. С. 301]. Размышление над значением есть, конечно, практический процесс, который приводит к неоднозначным выводам, поскольку этот процесс не имеет заданной цели в виде логически завершённой структуры. Это связано с тем, что структура языка не определяется однозначно совершенством логики, но всегда зависит от динамического процесса определения.

Несомненно одно, что для Рамсея структура языка не сводится к логическим тавтологиям и тождествам математики. Важное значение имеет система описания того, как можно дать определения, которая влияет на структуру языка, превращая её из статичной системы, жёстко заданной формальной логикой, в динамичную структуру, где сама логика зависит от того, как мы понимаем значение терминов и их роль в общей системе определений, если пытаемся сделать её когерентной. В этом отношении важную роль играют и описание ментальных состояний, и оценка последующих действий, ориентированных на эти ментальные состояния, и многое другое. В данном случае важна оценка Рамсеем тех теоретических идей, которыми он занимался как раз в 1927–929 гг. и которые относятся к вероятности, причинности и теоретическим терминам. Он как раз-таки ставит эти исследования в зависимость

от своего понимания философского исследования как практического предприятия по созданию когерентной системы определений: «Мне кажется, что в процессе прояснения нашей мысли, мы приходим к терминам и предложениям, которые мы не можем прояснить очевидным способом, определяя их значение. Например, мы не можем определить переменные условные высказывания и теоретические термины, но мы можем объяснить способ, которым они используются, и в этом объяснении мы вынуждены учитывать не только объекты, о которых мы говорим, но и наши собственные ментальные состояния» [22. С. 300].

Из этого пассажа вытекают как минимум две вещи. Во-первых, определяющими в изменениях взгляда Ф.П. Рамсея в работах 1927–1929 гг. послужили не столько его разработка частных теоретических вопросов, сколько глобальное изменение его взглядов на практическое значение философии. Хотя процесс этот, скорее всего, был взаимным. Дело, однако, в том, что переосмысление практической роли философии становится определяющим в его исследованиях. Установка прагматизма не только привела к иному пониманию практического действия, но и к изменению понимания философской деятельности вообще, которая более не понимается как установка на прояснение логической структуры языка и факта, но рассматривается как практика, проясняющая систему определения терминов, участвующих в этой практике.

Во-вторых, Рамсей развивает идею динамической философии, философии, проясняющей понятия и термины в процессе анализа их употребления. В этом, с его точки зрения, как раз и заключается достоинство философии. Цель динамического анализа подобного рода имеет собственное значение. Философия не является лишь просто средством, которое можно отбросить, когда цель достигнута, на манер «лестницы Витгенштейна». Как раз наоборот, такой анализ всегда должен быть продолжен. По сути дела, он – бесконечен. Как говорит Рамсей, «мы не можем довести этот процесс до конца, мы находимся в обычной для учёных ситуации, довольствуясь частичными улучшениями. Мы можем сделать некоторые вещи ясными, но мы не можем прояснить их все» [22. С. 301].

Подобному динамическому подходу Рамсей противопоставляет позицию Витгенштейна в «Трактате»: «Главную опасность для нашей философии, помимо лености и расплывчатости, представляет *схоластика*, сущность которой состоит в том, чтобы трактовать то, что является смутным, так, как если бы оно было ясным, и пытаться подвести его под точную логическую категорию. Типичным примером схоластики является точка зрения Витгенштейна на то, что все наши повседневные пропозиции в совершенном порядке и что невозможно мыслить нелогично» [22. С. 302]. Однозначное установление структуры языка, т.е. предприятие «Трактата», как раз и не устраивает Рамсея в том отношении, что выраженная в нём позиция схоластична, что выражается в стремлении к однозначному установлению структуры языка, а тем самым и мира, что достигается опять-таки однозначным установлением логических категорий и типов соответствующих им объектов. Следствием такой схоластичности является представление о философии как о бессмысленном

в принципе занятии, поскольку, действительно, что ещё нужно, раз уж окончательно выяснено, что сказать можно, а чего нельзя.

Тем не менее достоинство в философской деятельности есть, и не только в смысле придания ей важной бессмыслицы. Придать значение философии, т.е. принять её всерьёз, с точки зрения Рамсея, значит придать ей характер проясняющих определений, через анализ употребления понятий и терминов в различных, возможно бесконечных, контекстах употребления. И совсем необязательно, чтобы разные способы употребления сохраняли для понятия или термина одну и ту же категорию. Стало быть, философия оказывает проясняющее воздействие на структуру языка, а тем самым и практического действия в мире. По сути дела, мысль Рамсея сводится к тому, что определения возможны как описания наиболее общего способа употребления терминов. Эти определения, в принципе, оправдывают достоинство философии как самостоятельной области знания, имеющей свой способ аргументации, о котором, «разумеется, нам не следует говорить как о доказательстве в строгом смысле, но в философии есть процесс, аналогичный ‘линейному выводу’, при котором вещи постепенно приобретают ясность» [22. С. 301].

Подобное понимание практической цели философии как деятельности по прояснению системы терминов через продолжающееся конструирование системы когерентных определений более вероятно оказало влияние на трансформацию идей Витгенштейна. Во всяком случае, это явно прослеживается в концепции языкового значения как употребления, первоначально представленной Витгенштейном в «Голубой и коричневой книгах» [24]. Влияние, о котором говорится в «Философских исследованиях», скорее оказала именно общая установка Ф.П. Рамсея на практическое значение философии, чем производные от неё частные идеи.

Трактовка Ф.П. Рамсеем философии как «по существу системы определений» или «системы того, как можно дать определения» [22. С. 295] имеет, конечно, гораздо больший смысл, нежели просто как предмет несогласия с Л. Витгенштейном. Важную роль здесь играет прагматистская концепция Ч.С. Пирса, концептуальный анализ Дж.Э. Мура и теория дескрипций Б. Рассела. Все эти концепции в разной степени связаны с точкой зрения Рамсея. Но это уже предмет другого исследования.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008.

2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1.

3. *Sahlin N.-E.* «HE IS NO GOOD FOR MY WORK»: On the Philosophical Relations between Ramsey and Wittgenstein // Knowledge and Inquiry: Essays on Jaakko Hintikka’s Epistemology and Philosophy of Science. Rodopi: Amsterdam. 1997. С. 61–84.

4. *Меллор Д.Х.* Фрэнк Плямптон Рамсей // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 337–365.

5. *Добронравов И.С., Лахути Д.Г.* «Логико-философский трактат» Витгенштейна: русские издания 1958 и 2007 гг. // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. С. 271–282.

6. *Рамсей Ф.П.* Критические замечания о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 310–336.

7. *Рассел Б.* Введение // Витгенштейн Л. Логико–философский трактат. М.: Канон+, 2008. С. 11–31.

8. *Lewy C.* A Note on the Text of the Tractatus // Mind. Vol. LXXVI, № 303, 1967. P. 416–423.

9. *Рамсей Ф.П.* Основания математики // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 16–86.

10. *Рамсей Ф.П.* Математическая логика // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 87–109.

11. *Уайтхед А.Н., Рассел Б.* Основания математики: в 3 т. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2006.

12. *Суровцев В.А.* Ф.П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.

13. *Рамсей Ф.П.* Универсалии // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 110–139.

14. *Рамсей Ф.П.* Факты и пропозиции // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 140–161.

15. *Витгенштейн Л.* Из писем Витгенштейна к Л. Фиккеру // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+, 2009. С. 317–320.

16. *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2001.

17. *Рамсей Ф.П.* Эпилог // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 303–309.

18. *Рамсей Ф.П.* Общие пропозиции и причинность // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 264–295.

19. *Holton R., Price H.* Ramsey on Saying and Whistling: A Discordant Note // Nous. Vol. 37, Issue 2. P. 325–341.

20. *Sahlin N.-E.* The Philosophy of F.P. Ramsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

21. *Majer U.* Ramsey's Conception of Theories: An Intuitionistic Approach // History of Philosophy Quarterly. 1989. Vol. 6, № 2. P. 233–258.

22. *Рамсей Ф.П.* Философия // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 295–302.

23. *Витгенштейн Л.* Лекция об этике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+, 2009. С. 330–342.

24. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.

Surovtsev Valeriy A. Tomsk State University, Tomsk Scientific Center SB RAS (Tomsk, Russia)

DOI: 10.17223/1998863X/34/36

"IMPORTANT NONSENSE": F.P. RAMSEY AND L. WITTGENSTEIN'S PRACTICAL PHILOSOPHY

Keywords: L. Wittgenstein, F.P. Ramsey, practical philosophy, logical system of definitions, meaning in use

The paper examines the problem of mutual influence of philosophic constructions of L. Wittgenstein and F.P. Ramsey in the field of practical philosophy. It is demonstrated that practical philosophy of the early Wittgenstein in his "Tractatus" had a little influence on Ramsey. In its turn, the Ramsey's concept of philosophy as a logical system of definitions, developed in his works (1927-1929), having a dynamic impact on the structure of the language meaning, influenced the change of Wittgenstein's views greatly, namely his concept of the meaning in use.

References

1. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov, D. Lakhuti. Moscow: Kanon+.

2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical work]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.

3. Sahlin, N.-E. (1997) "HE IS NO GOOD FOR MY WORK": On the Philosophical Relations between Ramsey and Wittgenstein. In: Sintonen, M. (ed.) *Knowledge and Inquiry: Essays on Jaakko Hintikka's Epistemology and Philosophy of Science*. Rodopi: Amsterdam. pp. 61–84.

4. Mellor, D.H. (2011) Frenk Plampton Ramsey [Frank Plumpton Ramsey]. In: Ramsay, Fr.P. (2011) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 337–365.

5. Dobronravov, I.S. & Lakhuti, D.G. (2008) "Logiko-filosofskiy traktat" Vitgenshteyna: russkie

izdaniya 1958 i 2007 gg. ["Tractatus Logico-Philosophicus" by Wittgenstein: Russian editions in 1958 and 2007]. In: Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov, D. Lakhuti. Moscow: Kanon+. pp. 271–282.

6. Ramsay, Fr.P. (2011a) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 310–336.

7. Russel, B. (2008) Vvedenie [Introduction]. In: Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov, D. Lakhuti. Moscow: Kanon+. pp. 11–31.

8. Lewy, C. (1967) A Note on the Text of the Tractatus. *Mind*. LXXVI(303). pp. 416-423. DOI: 10.1093/mind/LXXVI.303.416

9. Ramsay, Fr.P. (2011b) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 16–86.

10. Ramsay, Fr.P. (2011c) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 87–109.

11. Whitehead, A.N. & Rassel, B. (2005–2006) *Osnovaniya matematiki: v 3 tomakh* [Foundations of Mathematics: In 3 vols]. Translated from English. Samara: Samara State University.

12. Surovtsev, V.A. (2012) *F.P. Ramsey i programma logitsizma* [F.P. Ramsay and logicism program]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Ramsay, Fr.P. (2011d) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 110–139.

14. Ramsay, Fr.P. (2011e) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 140–161.

15. Wittgenstein, L. (2009) *Dnevniki 1914–1916* [Diaries 1914–1916]. Tranlsated from German by V. Surovtsev, I. Enns, A. Gryaznov, V. Tselishchev. Moscow: Kanon+. pp. 317–320.

16. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [The autonomy of logic: The sources, genesis and system in the early Wittgenstein's philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Ramsay, Fr.P. (2011f) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 303–309.

18. Ramsay, Fr.P. (2011g) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 264–295.

19. Holton, R. & Price, H. (2003) Ramsey on Saying and Whistling: A Discordant Note. *Nous*. 37(2). pp. 325–341.

20. Sahlin, N.-E. (1990) *The Philosophy of F.P. Ramsey*. Cambridge: Cambridge University Press.

21. Majer, U. (1989) Ramsey's Conception of Theories: An Intuitionistic Approach. *History of Philosophy Quarterly*. 6(2). pp. 233–258.

22. Ramsay, Fr.P. (2011h) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 295–302.

23. Wittgenstein, L. (2009) *Dnevniki 1914–1916* [Diaries 1914–1916]. Tranlsated from German by V. Surovtsev, I. Enns, A. Gryaznov, V. Tselishchev. Moscow: Kanon+. pp. 330–342.

24. Wittgenstein, L. (2008) *Golubaya i korichnevaya knigi: predvaritel'nye materialy k "Filosofskim issledovaniyam"* [The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for "The Philosophical Investigations"]. TRanlsated from German by V. Surovtsev, V. Itkin. Novosibirsk: Suberian University Publ.